

**Г. В. Вызинский**

**Англия в XVIII столетии**

**Публичные лекции. Часть 1-2**

**Москва  
«Книга по Требованию»**

УДК 304  
ББК 60.5  
Г11

Г11 **Г. В. Вызинский**  
Англия в XVIII столетии: Публичные лекции. Часть 1-2 / Г. В. Вызинский –  
М.: Книга по Требованию, 2015. – 316 с.

**ISBN 978-5-4241-5236-8**

**ISBN 978-5-4241-5236-8**

© Издание на русском языке, оформление  
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,  
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

[www.samizday.ru/reprint](http://www.samizday.ru/reprint)



во всей исторіи другой династіи, участь которой была бы въ такой степени трагическая, которая испытала бы столько несчастій, столько внезапныхъ переменъ судьбы, какъ Стюарты; но вмѣстѣ съ тѣмъ и нѣтъ другой династіи, которая возбуждала бы меньше симпатіи и меньше сожалѣній. Съ-тѣхъ-поръ, какъ въ первый разъ они явились на сценѣ міра маленькими королями Шотландіи до самой грустной кончины послѣдняго изъ нихъ, въ концѣ прошлаго столѣтія, вся исторія этого дома — одна непрерывная, ужасная драма. Рѣдкому изъ Стюартовъ удавалось умереть естественною смертію; многіе изъ нихъ проводили большую часть жизни или умирали въ изгнаніи. Перваго Іакова Стюарта страшнымъ образомъ зарѣзали въ его спальнѣ шотландскіе бароны. Тѣ же мятежные, необузданные бароны отравили всю жизнь Іакова Втораго. Онъ вывелъ противъ замка одного непокорнаго подданнаго новья еще тогда и неуклюжія пушки; одна изъ нихъ лопнула и осколкомъ положила его на мѣстѣ. Третій Іаковъ былъ убитъ въ открытомъ сраженіи съ возставшими баронами. Іаковъ Четвертый палъ вмѣстѣ съ цвѣтомъ шотландскаго дворянства въ битвѣ съ англичанами. Неповиновеніе бароновъ свело съ ума Іакова Пятаго. Дочь его, блестящая Марія Стюартъ, была низложена и заключена въ тюрьму шотландскими пресвитеріанцами. Предавшись въ руки своей соперницы, она умерла смертію, какою короли не умираютъ. Сына ея, Іакова, долго держали въ плѣну шотландскіе фанатики. Этотъ Іаковъ кончилъ жизнь спокойно, но игралъ самую жалкую роль на англійскомъ престолѣ, а дочь его, Елисавета, вышедшая за несчастнаго богемскаго короля пфальцграфа Фридриха, принуждена была скитаться въ изгнаніи. Сынъ Іакова Карлъ I былъ приговоренъ къ смертной казни своими подданными; онъ умеръ на плахѣ смертію политическаго преступника. Карлъ II половину жизни провелъ въ опалѣ и изгнаніи; исторія его странствованій, его опасностей и приключеній кажется баснословною. Іаковъ II, уже разъ бѣжавшій изъ Англіи по смерти отца, вторично былъ изгнанъ своею дочерью и своимъ зятемъ и провелъ остатокъ дней въ Сен-Жерменѣ, живя милостынею Людовика XIV. Судьба послѣднихъ Стюартовъ, обоихъ претендентовъ, о которыхъ намъ придется говорить много, была еще печальнѣе.

Причиною этого длиннаго ряда несчастій былъ прежде всего личный характеръ Стюартовъ. Всѣ государи этой династіи представляютъ собою одинъ и тотъ же типъ; всѣ отличаются одинаковыми свойствами и недостатками. Многіе изъ нихъ не лишены были дарованій, необходимыхъ для хорошаго правителя. У всѣхъ почти была отвага, рѣшительность, твердая воля. За исключеніемъ одного Іакова I, всѣ

Стюарты отличались личною храбростью и рыцарскимъ духомъ; но въ то же время всѣмъ имъ одинаково были свойственны: узкій умъ, тупое упрямство, непреодолимая наклонность къ произволу; всѣ были одинаково-притворны и фальшивы. Сознательное, систематическое вѣроломство было ихъ наслѣдственнымъ пятномъ, безмѣрная мстительность ихъ—сильнѣйшею страстью. Всѣ Стюарты поражаютъ насъ своею неблагодарностью. Никто скорѣе ихъ не забывалъ услугъ, никто дольше не помнилъ обидъ. За исключеніемъ одного Карла I, всѣ они отличались наклонностью къ развратной жизни, и всѣ безъ исключения поддавались вліянію самыхъ недостойныхъ любимцевъ. Въ характерѣ этой династіи соединялись черты самыя антипатичныя англійскому народу. Завязка трагической участи Стюартовъ лежала въ томъ, что они всегда были чужды своей націи, чужды своимъ воспитаніемъ, своими понятіями, всею своею природою. Угрюмымъ шотландскимъ пуританамъ чужда была Марія Стюартъ своимъ католицизмомъ и легкими французскими манерами. Чуждъ былъ англійской націи Іаковъ I своимъ шотландскимъ произношеніемъ и шотландскими привычками, своею трусостью и педантизмомъ. Чуждъ былъ ей Карлъ I своею бурбонскою женою и своими полуфранцузскими, полуспанскими симпатіями. Чуждъ былъ Англии Карлъ II своимъ извѣдно-безбожнымъ развратомъ и совершеннымъ отсутствіемъ патриотизма; этотъ Карлъ II, продававшій за деньги честь Англии Лудовику XIV. Въ высшей степени чуждъ былъ націи Іаковъ II своимъ католическимъ фанатизмомъ и иезуитскимъ духомъ. Но еще болѣе чужды были англичанамъ Стюарты всѣми своими стремленіями, цѣлями, которыя преслѣдовали теоріями, которыя проповѣдывали. Ни одна династія не находилась въ такомъ постоянномъ, въ такомъ рѣшительномъ разладѣ съ своими подданными. Стюарты поставили себѣ задачу неосуществимую въ Англии; они желали водворить въ ней начала въ высшей степени антипатичныя англійской націи, начала совершенно-несовмѣстныя съ ея духомъ, обычаями, понятіями и преданіями прошедшаго. И въ продолженіе четырехъ поколѣній они стремились къ достиженію невозможной цѣли съ безпримѣрнымъ въ исторіи упорствомъ. Въ то время, когда въ Англии духъ религіозной реформы возбудилъ и оживилъ также духъ политической свободы, въ то время, когда, вслѣдъ за ослабленіемъ феодальной аристократіи, до половины погибшей въ войнахъ бѣлой и алой розы, средніе классы готовились выступить на политическое поприще и потребовать для себя участія въ управленіи, въ то время первый изъ англійскихъ Стюартовъ, Іаковъ, сынъ Маріи, внесъ на престолъ чужеземную, возникшую тогда на континентѣ тео-

рію о божественномъ правѣ абсолютной монархіи. Онъ внесъ эту теорію въ страну, которая одна только въ Европѣ умѣла сохранить ненарушимо свои свободныя учрежденія и перенести ихъ изъ среднихъ вѣковъ въ новую исторію въ неповрежденномъ видѣ; и въ его мутномъ умѣ теорія начала абсолютной власти разрослась до самыхъ крайнихъ послѣдствій. Онъ первый сталъ гласить англійскому народу: «что Всевышній смотритъ на наслѣдственную монархію съ особенною благосклонностью, какою не могутъ пользоваться другія формы правленія; что право наслѣдства по порядку первородства есть божественное учрежденіе, предшествующее христіанству и даже Моисееву закону; что никакая земная человѣческая власть, никакой законодательный парламентъ, никакая узурпація, хотя бы и длившаяся десять столѣтій, не можетъ лишити законнаго монарха свыше данныхъ ему правъ; что власть его необходима и всегда абсолютна; что законы, которымъ въ Англіи ограничивается прерогатива короны, есть ничто иное, какъ уступки свободно, добровольно-сдѣланные монархомъ, и что онъ можетъ оставить или взять назадъ эти уступки во всякое время, по своему усмотрѣнію; что парламентъ обязанъ своими правами одной только милости королевской; что всякій договоръ, заключаемый монархомъ съ поданными, есть только объявленіе его одновременной воли, а не контрактъ, связывающій навсегда обѣ стороны, не контрактъ, исполненіе котораго можетъ быть требуемо во всякое время».

Твердя постоянно парламенту эту теорію и раздражая оппозицію своими неслыханными притязаніями, Іаковъ I не имѣлъ ни силъ, ни воли даже попытаться серьезно привести ихъ въ исполненіе. При малѣйшемъ сопротивленіи со стороны парламента, онъ сейчасъ же понижалъ тонъ и рабски подчинялся ему. По преемники его усвоили себѣ эту теорію и рѣшились осуществить ее, во что бы ни стало. Въ этомъ дѣлѣ они нашли себѣ полезнаго, надежнаго, преданнаго союзника. Союзникомъ этимъ была англиканская, епископальная или, такъ-называемая, *высокая церковь*. Высокая церковь, подобно многимъ другимъ явленіямъ англійской жизни, была слѣдствіемъ компромисса, сдѣланнаго—сдѣлки между римскимъ католицизмомъ и реформаціоннымъ, протестантскимъ движеніемъ. Сдѣлку эту совершила корона. Высокая церковь была произведеніемъ короны; это была въ полномъ смыслѣ слова государственная церковь. Коронѣ она обязана была своимъ существованіемъ; корона надѣлила ее почестями и богатствами; корона оберегала ее во время слабаго ея дѣтства, защищала ее, съ одной стороны, противъ папистовъ, съ другой, противъ

тѣхъ, которые пошли дальше въ реформаціонномъ направленіи противъ пуританъ, противъ диссентеровъ; корона поддерживала высокую церковь противъ враждебныхъ парламентаріовъ; корона мстила тѣмъ, которые нападали на нее перомъ и словомъ. Такимъ-образомъ благодарность, надежда, боязнь, общія симпатіи и общія неприязни привязывали высокую церковь къ престолу. Всѣ ея преданія, всѣ ея привычки были монархическія. Преданность престолу сдѣлалась ея отличительною чертою; и когда Стюарты задумали водрузить въ английскую почву абсолютную монархію, то они не могли найти лучшаго орудія для этого дѣла, чѣмъ высокую церковь. Тогда-то заключенъ былъ союзъ на долгое время роковой для английской націи. Стюарты и высокая церковь взаимно нуждались другъ въ другѣ. Они обмѣнялись услугами и соединились для одной цѣли. Стюарты предали преслѣдованію высокой церкви папистовъ и диссентеровъ: высокая церковь предложила имъ въ услугу свои кадены и вліяніе духовнаго авторитета. Она сдѣлала теорію о божественномъ правѣ королей главнымъ догматомъ своей вѣры. Забывъ о Евангеліи, она стала превозносить прерогативу короны и проповѣдывать ученіе о безграничной, неотъемлемой власти избранника неба, о священномъ дѣлѣ безусловнаго страдательнаго повиновенія, о незаконности и безбожности всякаго сопротивленія волѣ королевской. Она потеряла совершенно характеръ религіознаго учрежденія и обратилась въ политическую партію. Теперь соединенными силами Стюарты и высокая церковь, абсолютизмъ и нетерпимость, начали борьбу противъ политической и религіозной свободы Англіи. Въ то время, когда на всемъ континентѣ восторжествовала основанная на постоянныхъ арміяхъ и финансахъ абсолютная монархія, Карлъ I Стюартъ рѣшился сдѣлать то же въ Англіи, въ странѣ, которая еще никогда не видала постоянной арміи и въ которой король не имѣлъ права взять съ подданныхъ ни одного гроша безъ ихъ собственнаго согласія. Карлъ I вошелъ въ борьбу на жизнь и смерть съ своимъ парламентомъ. Борьба эта была не новая: ею наполнена вся английская исторія, начиная съ Іоанна Безземельнаго. Но теперь борьба эта вступила въ свою послѣднюю рѣшительную фазу; теперь съ обѣихъ сторонъ выставлены были другъ противъ друга одинаково-рѣзкія и одинаково широкія начала. Въ то же время союзница Карла, высокая церковь, принялась истреблять диссентеровъ. Исходъ извѣстенъ. Крайность, ожесточенность борьбы привела къ крайнимъ результатамъ. Наслѣдственные пороки Стюартовъ: вѣроломство, тупое упрямство, неуступчивость были одною изъ главныхъ причинъ этой ожесточенности и этой крайности. Борьба

кончилась уничтоженіемъ самой монархіи и уничтоженіемъ высокой церкви. Но восторжествовала и не свобода, и не терпимость. Революція вызвала наружу силу, доселѣ еще незнакомую англійской націи—силу регулярной арміи; и все покорилося этой силѣ. Англія подчинилась господству солдатъ и фанатическихъ сектантовъ. Ей угрожали длинные и тяжелые годы военного деспотизма; ей угрожало владычество цѣлаго ряда мелкихъ военныхъ тирановъ, возводимыхъ и низвергаемыхъ новыми преторіанцами. Тогда люди, раздѣленные многими годами вражды, подали руку другъ другу; приверженцы монархіи и высокой церкви и приверженцы республики и синодальнаго церковнаго устройства, *кавалеры* и *круглоголовые*, епископальные и пресвитеріанцы соединились вмѣстѣ; и чтобъ спасти страну отъ владычества солдатской сабли, возстановили старую монархію, призвали назадъ Стюартовъ.

Съ возстановленіемъ Стюартовъ возстановлена была и высокая церковь. Вмѣстѣ съ Стюартами возвратилась и теорія о божественномъ правѣ королевской власти. Вмѣстѣ съ высокою церковью возвратилась нетерпимость и ученіе о безграничномъ страдательномъ повиненіи. И на этотъ разъ казалось, что легко будетъ осуществить наконецъ эти теоріи. Повидимому, ненужно было для этого большихъ усилий со стороны недѣятельнаго, лѣниваго, безпечнаго Карла II. Послѣ цѣлаго ряда революцій наступила реакція. Все само-собою клонилось къ рабству. Нація, утомленная насильственными переворотами, жаждала покоя и готова была вынести всевозможное для покоя, для избѣжанія новыхъ переворотовъ. Нужно было дать только свободное теченіе реакціи. Если что-нибудь можетъ отвратить человѣка отъ насильственныхъ революцій, то прежде всего видъ той готовности къ рабству, того добровольнаго наслажденія въ рабствѣ, которое почти всегда слѣдуетъ за революціями. Иногда трудно бываетъ узнать свободную англійскую націю въ людяхъ временъ Карла II и Иакова II. Тогда-то союзъ между Стюартами и высокою церковью сдѣлался еще крѣпче. Она страдала вмѣстѣ съ ними. Она раздѣляла вмѣстѣ съ ними ихъ изгнаніе. Она возвратилась вмѣстѣ съ ними въ Англію. У обоихъ были общіе враги, общіе друзья, общія опасенія. Казалось, никакая сила не будетъ въ-состояніи разорвать этой связи. Въ первую четверть столѣтія, послѣ реставраціи, ревность высокой церкви къ королевской прерогативѣ и къ наследственному неограниченному праву превзошла всякіе предѣлы. Ея проповѣди обратились вполнѣ въ политическія диссертаціи. Тексты Ветхаго и Новаго Завѣта служили для доказательства божественнаго происхожденія монархіи. Любимою тѣмой высокой цер-

кви послѣ революціи сдѣлалось ученіе о незаконности сопротивленія, о безбожности возстанія. Всю горечь свѣжихъ своихъ воспоминаній она внесла въ это ученіе. Она проповѣдывала его безъ всякихъ ограниченій и доводила до самыхъ крайнихъ послѣдствій. Она создала изъ этого ученія идеальную теорію рабства. Ежедневно съ десяти тысячъ каведръ епископальное духовенство гласило, что король выше всякихъ законовъ; что ничто въ мірѣ не можетъ связать его воли; что никакое нарушеніе правъ, никакое насиліе, никакая жестокость со стороны законнаго короля не даетъ права народу сопротивляться ему физическою силою; что еслбъ даже на престолѣ сидѣлъ самъ Неронъ или Фаларисъ и ежедневно предавалъ пыткѣ и казни сотни невинныхъ жертвъ, то и въ такомъ случаѣ не можетъ быть оправдано сопротивленіе и возстаніе. вмѣстѣ съ возстановленіемъ высокой церкви началось прежнее гоненіе диссентеровъ. Карлъ II постоянно договаривался съ Лудовикомъ XIV, чтобъ, при помощи его арміи, уничтожить всѣ свободныя учрежденія Англіи; но безпечный Стюартъ все медлил и медлил сдѣлать рѣшительный шагъ.

Между-тѣмъ сложились двѣ великія политическія партіи, которымъ суждено было наполнить собою съ этого времени до нашихъ дней всю англійскую исторію—партія торіевъ и партія виговъ. Партіи эти существовали уже прежде, въ видѣ круглоголовыхъ и кавальеровъ; но теперь онѣ окончательно организовались и окончательно уяснили себѣ свои начала. Торіи стояли на сторонѣ Стюартовъ, виги на сторонѣ народной свободы. Въ главѣ партіи торіевъ находилась высокая церковь; къ ней принадлежала половина аристократіи и почти вся масса сельскихъ джентльменовъ. Но ненадобно думать, чтобъ эти аристократы и эти сельскіе джентльмены принимали въ буквальный смыслъ рабскую теорію высокой церкви. То, что для этой церкви было ученіемъ, системою, то для торійской *gentry* было чувствомъ, инстинктомъ, преданіемъ прошедшаго. Она стояла на сторонѣ Стюартовъ по тому чувству, которое англичане называютъ *loyalty*. Это чувство имѣло въ значительной мѣрѣ романтическій, рыцарскій характеръ. Борьба между короною и парламентомъ при Карлѣ I вызвала между англійскою *gentry* сильное пробужденіе рыцарскаго духа прежнихъ временъ, но въ измѣненномъ видѣ. Мѣсто сраженій противъ невѣрныхъ и служенія прекрасному полу заняли теперь горячая преданность королю, энтузіастическій реализмъ. Торіи временъ двухъ послѣднихъ Стюартовъ были сыновьями тѣхъ старыхъ кавальеровъ, которые сражались за Карла I противъ круглоголовыхъ. Они любили монархію, за которую шли въ огонь отцы ихъ. Они любили высокую

церковь потому, что эта церковь была дорога ихъ королю-мученику, потому-что она раздѣляла вмѣстѣ съ ними поражение и опалу, утѣшала ихъ въ несчастіи. Они любили высокую церковь и потому, что она была врагомъ, ихъ враговъ—пуританъ и диссентеровъ. Политическое ученіе высокой церкви вовсе даже не казалось рабскимъ торійскимъ джентльменамъ. Возвышая того, кто былъ ихъ естественнымъ покровителемъ, главою ихъ партіи, главою ихъ церкви, оно возвышало ихъ самихъ, давало имъ значеніе, свободу, власть. Когда господствовали республиканцы, то роялисты подвергались съ ихъ стороны обидамъ и притѣсненіямъ: поэтому сопротивление королю, возстаніе, революція соединялись въ воображеніи торіевъ съ ихъ собственнымъ униженіемъ и подчиненіемъ; сильная монархическая власть—со свободю и господствомъ. Повторяя за высокою церковью ея экстравагантныя доктрины, торійская *gentry* отъ души, однакожь, ненавидѣла деспотизмъ; но еще болѣе она ненавидѣла диссентеровъ, республиканцевъ и политическихъ противниковъ своихъ виговъ. Виги выставили напротивъ теоріи торіевъ и высокой церкви свою собственную теорію, прямо-противоположную. Они также были приверженцами монархіи, но не считали ее божественнымъ, а земнымъ, человѣческимъ учрежденіемъ, установленнымъ нацією для общаго блага всѣхъ ея членовъ. Они видѣли источникъ всякой власти въ народѣ. Они считали основаніемъ англійской монархіи формальный договоръ между королемъ и подданными, договоръ, выражаемый, съ одной стороны, присягою при коронаціи, съ другой, присягою на подданство, и полагали, что условія этого договора равнымъ образомъ обязательны для обѣихъ сторонъ. Они утверждали, что монархія по необходимости должна быть ограничена закономъ.

Въ главѣ партіи виговъ стояли знатныя аристократическія фамиліи, большею частью потомки тѣхъ вельможъ, которые сражались за парламентъ противъ Карла I. Къ нимъ принадлежало народонаселеніе большихъ городовъ, часть мелкихъ поземельныхъ собственниковъ или такъ-называемой *yeomanry* и всѣ диссентеры.

Въ концѣ правленія Карла II-го Англія представилась новая опасность. Опасность эта угрожала на этотъ разъ не только политической свободѣ, но и самому протестантизму. Карль II не имѣлъ законныхъ дѣтей: престолъ долженъ былъ перейти къ его брату, Якову, отъявленному католику. Виги были ревностные протестанты. Всѣми силами своими они сдѣлали попытку исключить отъ престолонаслѣдія паписта. Попытка эта не удалась; она кончилась рѣшительнымъ торжествомъ торійской партіи, поддерживавшей законный порядокъ пре-

столонаслѣдія. Король явно принялъ характеръ главы партіи—главы торіевъ. Виги подверглись страшному гоненію. Главные предводители ихъ положили головы на плахѣ. Тогда на престолъ вступилъ Іаковъ II. Никогда еще никакой англійскій король не пользовался такимъ могуществомъ. Іаковъ былъ уже очень близокъ къ тому идеалу власти, который преслѣдовали Стюарты. Ему нечего было завидовать Лудовику XIV: все преклонилось передъ нимъ. Послѣ безумнаго возстанія Монмоуэа, партія виговъ окончательно была подавлена казнями, тюрьмою и конфискаціями. Торіи и высокая церковь, отстаившіе для Іакова престолъ противъ виговъ, поклонились ему, какъ своему идолу и забыли совершенно о его католицизмѣ. Парламентъ, созданный имъ, показалъ примѣръ рабства, рѣдкій въ англійской исторіи. Но всего этого было мало Іакову II. Въ этомъ человѣкѣ всѣ наслѣдственные пороки дома Стюартовъ достигли крайняго своего выраженія. Онъ задумалъ дѣло, которое безумною смѣлостью превосходило все, что досихъ-поръ предпринимали его предшественники. Не только думать онъ разрушить въ-конецъ всѣ свободныя учрежденія англійской націи и основать на развалинахъ ихъ абсолютизмъ испанскихъ Габсбурговъ; слѣпой и узкій фанатизмъ, онъ рѣшился возстановить въ Англии, странѣ протестантской уже два столѣтія, свою католическую религію, доставить ей перевѣсъ надъ другими вѣроисповѣдываніями и замѣстить всѣ гражданскія и военныя должности своими единовѣрцами. Чтобъ оцѣнить всю отчаянность такого предпріятія, довольно вникнуть только въ то глубокое чувство вражды, которое питали англичане къ католицизму. Они ненавидѣли католицизмъ всею ненавистью, къ какой способна человѣческая природа. Католицизмъ, особенно въ той формѣ, какую дали ему іезуиты, возбуждалъ въ нихъ неодолимое отвращеніе, представлялся ихъ уму и воображенію какъ самое мрачное и самое беззавѣстное проявленіе деспотизма. Англичане — народъ чрезвычайно впечатлительный; никто глубже ихъ не сохраняетъ въ душѣ впечатлѣній, особенно тяжелыхъ впечатлѣній; никто дольше ихъ не помнитъ испытаннаго гнѣта, вынесенной тирании. Такъ, они испытали однажды владычество солдатъ, и воспоминаніе о немъ такъ глубоко врѣзалось въ ихъ память, что до нынѣшняго дня они сохраняютъ неодолимую антипатію къ постояннымъ регулярнымъ арміямъ. Такое же глубокое впечатлѣніе оставило въ ихъ душѣ все, что они вынесли отъ католицизма. Пылавшіе костры кровавой Маріи, темныя козни католиковъ противъ Елисаветы, опасеніе армады Филиппа II, особенно же ужасный пороховой заговоръ во время Іакова I — все это осталось навсегда въ ихъ памяти.

Притомъ, между англичанами существовало твердое убѣжденіе, что католикъ тамъ, гдѣ дѣло шло объ интересахъ его церкви, считалъ себя свободнымъ отъ всѣхъ обыкновенныхъ правилъ нравственности. Мало-того, англичане были убѣждены, что онъ находилъ даже похвальнымъ нарушеніе этихъ правилъ для пользы католицизма. Убѣжденіе это не лишено было нѣкотораго основанія. Нельзя было отрицать, что замѣчательнѣйшіе изъ католическихъ іезуитскихъ казуистовъ писали въ защиту такъ-называемой *reservatio mentalis*, клятвопреступленія и даже смертоубійства. Ученія этой безнравственной школы софистовъ не оставались, по словамъ англичанъ, безъ послѣдствій. Варооломеевская ночь, убіеніе Вильгельма Оранскаго, убіеніе Генриха III, всѣ мрачныя заговоры, совершенныя въ Англіи, постоянно приводились, какъ примѣры тѣсной связи между порочной теоріей и такой же практикой. Англійскіе протестанты твердо вѣрили, что каждое изъ этихъ преступленій было внушено или поощряемо католическимъ духовенствомъ... Народное мнѣніе, выводимое изъ всего этого, было таково, что какъ бы ни былъ честенъ католикъ, все-таки не существовало обмана или жестокости, на которую бы онъ не былъ способенъ, когда дѣло шло о безопасности или выгодахъ его вѣроисповѣданія.»

И это вѣроисповѣданіе Іаковъ II хотѣлъ теперь возстановить въ Англіи! этимъ людямъ онъ хотѣлъ дать всѣ должности государства! Замышляя такое дѣло, онъ думалъ, что можно ему положиться на торіевъ и высокую церковь; что нѣчего опасаться сопротивленія со стороны людей, которые такъ ревностно проповѣдывали ученіе о безграничномъ страдательномъ повиновеніи монарху. Чтобы доставить господство католицизму, ему нужно было разрушить высокую церковь; и принимая на слово ея собственную любимую теорію, онъ думалъ, употребить орудіемъ для уничтоженія высокой церкви саму же высокую церковь. Смѣло и рѣшительно приступилъ онъ къ дѣлу и направилъ тяжелые удары на ту церковь, которая до-сихъ-поръ была главной опорой престола Стюартовъ. Наступило самое драматическое положеніе. Высокая церковь поражена была глубокимъ недоумѣніемъ. Ей и въ голову никогда не приходило, чтобы корона, прерогативу которой она превозносила въ такихъ величественныхъ фразахъ, которой она служила такъ вѣрно, такъ преданно и въ счастіи и въ несчастіи, чтобы эта корона обратилась когда-нибудь противъ нея и наложила на нее свою руку. Однакожъ это неожиданное, невѣроятное событіе случилось. Король наложилъ руку на ея доходы и ея должности и шелъ прямо къ ея уничтоженію. Наступилъ часъ испытанія для теоріи о безграничномъ повиновеніи

высокая церковь поколебалась. Учение, проповѣдуемое съ такимъ жаромъ въ теченіе четырехъ поколѣній, рушилось. Здоровая человѣческая натура возмутилась противъ логическихъ послѣдствій теоріи. Союзъ, такъ долго казавшійся неразрывнымъ, былъ разорванъ. То же произошло и съ торіями. Пламенная ревность ихъ къ престолу и пламенная ревность ихъ къ высокой церкви въ теченіе многихъ лѣтъ росли вмѣстѣ и укрѣпляли другъ друга. Имъ также не приходило въ голову, чтобы эти два чувства, нераздѣльные и почти тождественныя, могли когда-нибудь сдѣлаться не только различными, но и несовмѣстными. Во всѣхъ обстоятельствахъ жизни они были вѣрны королю и церкви. Теперь этой церкви, которая внушала имъ такое благоговѣніе, угрожала опасность отъ короны. Теперь этотъ король, которому они такъ вѣрно служили, за отца котораго они проливали кровь и жертвовали имуществомъ, оказывалъ имъ, преданнымъ слугамъ дома Стюартовъ, явное пренебреженіе, вытѣснялъ ихъ изъ всѣхъ важныхъ государственныхъ должностей и отдавалъ предпочтеніе папистамъ и іезуитамъ. Роялизмъ торіевъ, воспитанный четырьмя поколѣніями, поколебался вмѣстѣ съ ученіемъ о безграничномъ повиновеніи. Торіи стали на сторонѣ высокой церкви. Тогда послѣдовало событіе, которое украшаетъ собою страницы англійской исторіи. Диссентеры показали примѣръ самоотверженія, героизма, высокаго гражданскаго духа, примѣръ, которому нелегко найти подобный. Іаковъ, приготовляя торжество католицизма и работая надъ разрушеніемъ высокой церкви, рѣшился прибѣгнуть противъ нея къ помощи тѣхъ же диссентеровъ, которыхъ онъ еще недавно вмѣстѣ съ нею преслѣдовалъ съ такою жестокостью. Желая склонить ихъ на свою сторону, онъ издалъ въ незаконной формѣ, безъ участія парламента, по одному только своему авторитету, такъ-называемую декларацію о свободѣ вѣроисповѣданія. Деклараціей этой уничтожались всѣ карательные законы противъ католиковъ и также противъ диссентеровъ. Цѣль ея была очевидна: Іаковъ хотѣлъ вызвать противъ высокой церкви заклятыхъ враговъ ея. Онъ отдавалъ въ жертву диссентерамъ ту церковь, которая неутомимо преслѣдовала ихъ уже полтора столѣтія. Испушеніе было огромное. Эта церковь, которая была такъ беспощадна къ нимъ, которая ставила ихъ у позорныхъ столбовъ, обрѣзывала имъ носы и уши, разоряла ихъ денежными пенями, наполняла ими тюрьмы, находилась теперь въ беззащитномъ положеніи. Король предлагалъ имъ свободу вѣроисповѣданія; нужно было только соединиться съ нимъ, чтобы нанести послѣдній рѣшительный ударъ врагу столь многихъ лѣтъ. Тутъ можно было